
ОЛЬГА
ВОЛОДАРСКАЯ
НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ
ПРОКЛЯТИЕ
СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

Ольга Геннадьевна Володарская

Проклятие Спящей красавицы

Серия «Никаких запретных тем! Остросюжетная проза О. Володарской»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70903120
О. Володарская. Проклятие Спящей красавицы: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-207644-2

Аннотация

Ее называли Спящей красавицей!

Сотрудники больницы, в которой Оля провела шестнадцать лет. Все эти годы она лежала в коме. Никто, даже лечащий врач, не верил, что пациентка очнется, но…

Спящая красавица пробудилась ото сна.

У нее амнезия. У доктора – чувства к загадочной пациентке. А у человека, много лет назад чуть не лишившего Олю жизни, паника. Он ждал ее пробуждения, желая получить то, что принадлежит ему по праву, но она ничего не помнит. Значит, все было зря? Или нужно пойти на еще одно преступление, чтобы Спящая красавица проснулась окончательно?

Остросюжетные романы Ольги Володарской уникальны – только в них наряду с захватывающей детективной интригой

читатель найдет отражение самых спорных и запретных тем современной жизни. Ольга Володарская не боится правды и пишет так ярко, что ее книги читаются на одном дыхании!

Содержание

Пролог 6
Часть первая 8
Глава 1 8
Глава 2 30
Глава 3 37
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Ольга Володарская
Проклятие Спящей красавицы

© Володарская О., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Все персонажи и события – вымысел автора.
Любые совпадения случайны.

Пролог

Вначале была пустота…

Потом появился звук. Едва различимый, но постепенно нарастающий. Пип-пип-пип! Звук усиливался, пока не достиг такой высоты, что захотелось заткнуть уши. Но человек не смог пошевелиться. Тело не слушалось его, однако проснувшееся сознание нашло выход – оно переключилось…

Тогда появился аромат. Мандарина, кажется? Круглый, яркий фрукт с кожурой ведь так называется? Не большой или средний, а маленький? Он ассоциируется с Новым годом! Точно мандарин. И человек его любит.

Воспоминание, вот что появилось следом. О мандаринах под наряженной елкой. Они рассыпаны по сделанному из ваты снегу…

Пип-пип-пип! Противный звук опять пробился через тишину и разбудил новое воспоминание. Те же мандарины, но они не лежат, а катятся, и не по снегу, а по щербатому асфальту… Прямо перед глазами человека. Его только что ударили по виску, он упал, из его рук вывалилась сумка, а из нее – мандарины. Два укатились, а один попал под подошву резинового сапога. Треснув, он брызнул соком. Но почему-то не распространил аромат.

Когда это произошло? Удар, падение? Человеку казалось,

что прямо перед тем, как его поглотила пустота. Что такое понятие «время», он готов был вспомнить, но…

Пип-пип-пип! Звук, что уже не только раздражал, но и звал за собой. Направив к нему свое сознание, человек понесся по темному коридору. Как будто по трубе аквапарка, но скользил не вниз, а вверх. Перед тем, как вылететь из нее, зажмурился… Свет слепил!

Человек вылетел из темного коридора, как мотылек, и почувствовал, что сгорает.

– Спящая красавица проснулась! – услышал он перед тем, как превратиться в прах.

Часть первая

Глава 1

Долгожданный отпуск подошел к концу. Увы и ах!

Месяц пролетел так быстро, что Лев перед тем, как ставить будильник на шесть утра, несколько раз проверил, не ошибся ли с датой. Казалось, он что-то напутал, а если не он, то телефон, показывающий не то число. Не может быть такого, что четыре недели пролетели и завтра на работу…

Первые несколько дней отпуска Лева только спал и ел. Через дорогу от его дома находился неплохой кавказский ресторан, и он туда наведывался регулярно. Обедал или ужинал, брал навынос пару блюд, возвращался к себе, дремал, смотрел кино, читал, снова ел, уже разогретое, и опять ложился. Лева ни с кем не общался это время, в том числе с лучшим другом, он копил силы. Впереди – поездка к родственникам! Многочисленным, что естественно для армянина, папа и мама которого родились в больших семьях. Сначала Левон Сарикян должен навестить деда с бабушкой в Волгограде, потом тетку с племянниками в Туапсе, следом папу с мамой в Кисловодске и каким-то чудом успеть проведать брата в Ереване. Остальные члены семьи, естественно, обидятся, но не разорваться же Леве? И так себя не щадил! Се-

мейные застолья хоть и приносили море радости, но и выматывали невероятно. Разговоры, тосты, песни, пляски, горы еды и реки вина, и так каждый день. В поездах и самолетах Лева отдыхал, набираясь сил для следующей встречи с родней.

Он был из династии врачей. Основал ее прадед еще в позапрошлом веке. Он же самому царю-государю Николаю Второму вскрывал фурункул, когда тот прибыл с официальным визитом в Ереван. Сын его образование уже в Советском Союзе получал. В жены взял однокурсницу. У них родилось трое детей, все стали хирургами. Мать Левона – сердечно-сосудистым, чуть ли не первой женщиной – специалистом в этой области. Ее в семье уважали больше, чем других отпрысков. Мальчишки пошли по проторенной дорожке и стали один хирургом-стоматологом, второй – пластическим. Среди армян это самые востребованные специализации. Только младшая дочка прыгнула выше головы.

Пока был жив прадед, а скончался он в возрасте девяноста восьми лет, именно внучку называл своей преемницей и очень ею гордился. Лева тогда был совсем маленьким, но помнил, как старик усаживал его себе на колени и изрекал:

– Этот мальчик станет великим хирургом! Посмотрите на его пальцы!

Так и рос Левончик с этим грузом ответственности. Его судьбу определили еще при рождении. Он сын потомственного хирурга-новатора с идеальными руками. Кем такому

становиться? Не сварщиком же?

А Лева хотел именно этого лет, наверное, до восьми. Мужчины в причудливых масках с дышащим огнем аппаратом казались ему то рыцарями-колдунами, то космическими пиратами. Мальчик не мог спокойно пройти мимо стройки, завидев снопы искр, он бросался туда, где производилась сварка, и замирал от восторга. Его за это ругали. И не только родители, но и рабочие на площадке. Твердили, что опасно находиться рядом без специальной одежды. Добавляли, что можно ослепнуть, если долго смотреть на сварку. Но Леву это только подстегивало. Они точно пираты или колдуны, думал он.

– Я стану таким же! – твердил он родителям.

Маме пришлось принять меры. Однажды вечером она взяла сына за руку и повела к строительной площадке, где еще днем варили забор. Трудовая смена уже закончилась, и рабочие расходились. Сварщика же среди них не было.

– Думаешь, где он? – спросила мама у Левончика.

Он пожал худенькими плечами. Откуда ему знать, чем занимаются эти бесстрашные люди, закончив свои дела?

– Пойдем, покажу.

Они проследовали к вагончику сторожа, где было навалено много строительного мусора, имелись и грубо склоченные ящики. На одном из них сидел пьяный мужик. Точнее, полулежал, облокотившись о забор. Лицо красное, волосы слиплись, по небритому подбородку течет то ли водка, то ли

слюна.

– Кто это? – спросил Лева с отвращением. В их семье все мужчины по праздникам выпивали, но никогда он не видел ни одного из родственников в таком непотребном виде.

– Твой герой, сварщик. – Она указала на валяющуюся рядом спецодежду, поверх которой лежала маска. – Без доспехов он такой.

– Не все же они, как он.

– Нет, конечно. Но многие. И даже если ты будешь другим, то общаться по работе и вне ее тебе придется вот с этими, – и указала на всхрапнувшего пьяницу.

Левончик все осознал, но к сварке отношение не поменял. Став взрослым, он купил себе аппарат и в свободное время забавлялся с ним. Дачи у него не было, только гараж, но и в нем можно было творить. Лева сваривал декоративные изделия и раздаривал их. Из практичного у него отлично получались мангалы. Но так как времени свободного катастрофически не хватало, он сварил только два, себе и лучшему другу Макару.

Учился Лева блестяще, поэтому мог бы выбрать любую профессию… Если б был вправе! От него все ждали одного: поступления в медицинский вуз. Он не мог подвести семью и подал документы в престижнейший Московский университет имени Пирогова. Только в него, потому что был уверен в себе. И не зря! Левон Гамлетович Сарикян был зачислен на бюджетное отделение вуза и все годы учебы получал по-

вышенную стипендию.

Семья была им довольна. Но только до тех пор, пока не узнала, что Лева категорически не хочет становиться хирургом.

– Не мое это, понимаете? – говорил он родителям. Но они не понимали и с недоумением таращились на сына. – Нет тяги к хирургии, поэтому и успехов на этом поприще не будет. Не стану я светилом, как прадед завещал! – И потрясал в воздухе своими прекрасными руками с пальцами, о которых даже мама мечтать не могла. У нее были хоть и тонкие, но короткие.

– А к чему у тебя тяга? – вопрошал отец. Он не блистал, но успешно оперировал желчные пузыри, убирал кисты и грыжи. Именно к Гамлету Сарикяну стремились попасть сложные пациенты, зная, что он грамотный специалист, надежный.

– Я хочу в терапию.

– Не на стройку, заборы варить, уже хорошо, – нервно восклицала мама. – Но разве это твой уровень, сынок? Врач приемного покоя?

– У нас мало хороших диагностиков. Я стану таким!

– Или будешь в районной поликлинике давать направления бабушкам к другим специалистам.

Хирурги высокомерны, так говорил прадед. И был прав. Даже когда Лева стал доктором медицинских наук, заведующим отделением Первой клинической больницы Москвы,

для семьи он так и остался простым терапевтом. Пожалуй, жену брата, медсестру, уважали не меньше, а то и больше Левы, ведь она была сестрой хирургической и являлась правой рукой мужа в операционной. Именно она, а не ассистирующие ему интерны. Возможно, это Левону только чудилось. Беззлобные подколы казались укорами. Советы – приказами. Участие в его жизни – вмешательством. Сочувствие – жалостью. Он сам казнил себя за то, что не оправдал надежд прадеда, и ничего не мог с этим поделать. Иногда Левону хотелось вообще бросить медицину, освоить кроме сварки еще и ковку и открыть мастерскую по изготовлению мангалов, ворот, печной утвари.

Но разочаровал он родственников не только тем, что не стал хирургом. Он не смог построить семью! Было дело, женился по молодости, но брак этот не продлился долго, и в сорок пять Левон оставался бездетным холостяком. Единственным в роду Сарикянов.

Пожалуй, именно из-за этого он редко виделся с родственниками. Они постоянно пытались его пристроить! За месяц отпуска Лева познакомился с таким количеством достойных женщин, скольких за год не встречал. В каждом городе ему приводили «невест». И если когда-то ими были только бездетные армянки, то теперь дамы всех национальностей с потомством от предыдущих браков.

– Неужели тебе никто не понравился? – спрашивал брат, провожая Леву в аэропорт. Только он представил ему трех

женщин.

– Все хороши, – честно ответил тот.

– Тогда почему ни у одной телефона не взял?

– Некогда мне трепаться да переписываться.

– С женщинами и трепаться, и переписываться надо, – как дурачку разъяснял ему брат. – А иначе как узнавать ее, сближаться?

– А я, может, как ты, хочу. Работать вместе несколько лет, узнавать ее, сближаться, а потом сразу жениться? – У брата с супругой на самом деле не было конфетно-букетного периода. Одним днем решили быть вместе и подали заявление в загс. Живут уже одиннадцать лет.

– И что же тебя останавливает? Ты заведующий огромным терапевтическим отделением.

– Я присматриваюсь, – соврал Лева. На самом деле он не хотел бы связывать свою судьбу с медицинским работником, доктором, сестрой, физиотерапевтом – не важно.

– К пациенткам тоже?

– А как же! – и тут уже была доля правды. С некоторыми у Левы случались романы (естественно, они начинались строго после выписки пациенток). Но от мужчин в белых халатах дамы балдели только первое время, пока не понимали, что те неромантичные, циничные, вечно уставшие и частенько пьющие.

– Кстати, как Спящая красавица? Ты еще не поцеловал ее, чтобы разбудить?

– Боюсь, ей это не поможет, – хмыкал в ответ Лева.

Речь шла о пациентке, которая поступила в больницу шестнадцать лет назад. У нее была серьезная черепно-мозговая травма, на первый взгляд не совместимая с жизнью. Но женщина не умерла, а впала в кому. Левон тогда только поступил на работу в больницу и впервые остался на ночное дежурство.

– Как ее зовут, напомни?

– Ольга.

– И ее мозг не поврежден?

– Показатели отличные. Ее кто только не обследовал! Сам понимаешь, редкий случай.

– Думаешь, уже не проснется?

– Не могу представить, что ее может разбудить. Мы ведь пытались.

– Говорю тебе, поцелуй! Только он. Но обязательно искренний…

Будто Левон не пробовал!

Как раз перед отпуском, когда он проставлялся за него, доктор Сарикян и позволил себе глупую вольность. Распив с коллегами коньяк, хмельной Левон отправился домой. Но прежде чем покинуть отделение, заглянул в палату коматозницы.

– Не скучайте без меня, миледи, – сказал он ей. – Я вернусь через месяц.

Ольга, естественно, никак не среагировала. Она лежала,

подключенная к аппаратам, уже шестнадцать лет. Овощ, говорили о таких, как она, бестолковые люди. Но у тех, кого так называют, отмер мозг, а у Ольги он функционировал. Как и сердце с легкими. Она самостоятельно дышала и, судя по показаниям приборов, видела сны. Ее рефлексы были в норме, а тело имело здоровый вид. Были пролежни, раздражения, отеки, но никакого тромбоза или некроза…

Ольга была настоящей Спящей красавицей. А ее высокая кровать с белоснежным бельем пусть отдаленно, но напоминала хрустальный гроб.

Левон сам не понял, как решился на поцелуй. Он просто поддался порыву! Смотрел на Ольгу, смотрел, а потом резко наклонился и припал к уголку ее рта.

Поцелуй не продлился и пяти секунд. Левону стало стыдно за свое поведение. Ладно, в семь лет он видел в сварщиках колдунов, но в сорок пять пытаться разбудить коматозницу поцелуем – это уже странность, граничащая с серьезным психическим расстройством. Только алкогольное опьянение его оправдывает, и то не сильно. Не так уж Левон в тот момент был и пьян.

Он быстро покинул больницу и запретил себе вспоминать о том инциденте. Обо всем, что касается работы! Отпуск есть отпуск.

…И вот прошел месяц, и Лев снова идет на работу. Сердитый, небритый, невыспавшийся. Он плохо все рассчитал и не успел отдохнуть от отдыха. Ему бы пару дней на адап-

тацию, но он вчера днем прилетел из Еревана, а сегодня в восемь утра должен выйти на обход. Сейчас семь тридцать, а Левон еще только паркуется у больницы.

– Здоро́во, Хищник! – поприветствовал его охранник Димон. Не друг, но хороший приятель. Ему Лев уже полгода мангал варит. – С возвращением!

– Привет. Тут для тебя гостинцы, – он передал приятелю пакет, в нем бутылочка «Арарата» и несколько видов чурчхелы. Димон ее обожал и удивлялся, почему кавказец Левон к ней равнодушен. Это же лакомство богов!

– Спасибо, дорогой! – Он коротко обнял Сарикяна. – У меня для тебя тоже кое-что есть. Зайди ко мне.

– Опаздываю, брат.

– На секунду, – настаивал Димон и тянул приятеля за собой.

Четыре года назад он лежал в отделении Левона. Спецназовец с ампутированной ногой. Молодой, крепкий, но упавший духом парень не знал, как жить дальше. Все твердили ему одно и то же: главное, живой, ты найдешь себя. А Димон в спецназ по зову сердца пошел. Ему именно этого хотелось, подавлять массовые беспорядки, брать штурмом здания, освобождать заложников. Он уже себя нашел, но потерял… когда лишился ноги!

Он собирался покончить с собой, выбравшись на крышу здания больницы.

– Не такой уж ты и беспомощный, да? – крикнул ему Ле-

вон, высунувшись в окно своего кабинета. Тот находился на последнем этаже. – Вон как резво взобрался!

– Док, отвали!

– Подумаешь, ноги нет. У кого-то мозгов нема, и ничего, живут.

– А я не хочу!

Левон уселся на подоконник, чтобы удобнее было разговаривать.

– Если б в меня Катюшка была влюблена, я бы хотел, – сказал он.

– Какая еще Катюшка?

– Медсестричка наша. Пухленькая такая, с ямочками на щеках.

– Которая уколы ставит?

– Согласись, лучше всех?

– Да, рука у нее легкая.

– И характер такой же. Чудо, а не девушка.

– Ты сказал, что я ей нравлюсь? – недоверчиво переспросил Димон.

– Очень. Неужели не замечал, как она на тебя смотрит?

– Как на калеку. С жалостью. Зачем ей безногий?

– Для мужика что главное?

– Член.

– Ой, дурак. Душа. – Левон взял с подоконника, на котором еще и чайник с приборами стоял, коробку конфет, что подарили благодарные пациенты. – Смотри, что есть у меня.

– «Птичье молоко».

– Катюшкина любимая сладость. Спускайся и топай ко мне, я тебе эту коробку отдам, а ты ей подаришь, когда придет тебе вечером укол ставить.

С той коробки конфет и начались отношения Димона и Кати. А еще с вранья Левона. Ничего о своей симпатии к покалеченному спецназовцу она не говорила, но все знали, что девушка очень хочет замуж, да попадаются все не те. Димон же был парнем порядочным, и доктор Сарикян решил, что хуже не будет, если он ребят друг к другу подтолкнет.

– Ты только не говори Катюшке, что я ее секрет тебе открыл, – предупредил он Димона. – Она девушка скромная, засмущается. А то еще на меня обидится, а я ее хорошим отношением дорожу.

Три года их браку исполнилось. Живут душа в душу, Катюша сейчас в декрете, а Димон уже и не помнит того момента, когда хотел с крыши спрыгнуть.

– Это тебе, – сообщил он, вынув из ящика стола коробку, завернутую в черный полиэтилен.

– Что это?

– Понятия не имею, просили передать доктору Сарикяну.

– Кто? – Он потряс коробку, но в ней ничего не грохнуло. Значит, не коньяк.

– Мужик какой-то. Вчера вечером ко мне постучал, спросил, знаю ли я тебя, когда я ответил утвердительно, попросил передать.

– Странно, что не в приемном покое оставил, ну да ладно.

– Откроешь?

– Потом. Я и так опаздываю. – Но Лева предположил, что в коробке восточные сладости. Чурчхелу он не любил, а вот тающие во рту халву и пахлаву очень, и все об этом знали.

– Да, еще же новость есть! Опупительная!

– Все, Димон, некогда, – и не стал слушать приятеля, пытающегося выдать-таки опупительную новость.

Узнал ее Левон от старшей медсестры отделения Розы.

– Спящая красавица проснулась! – торжественно объявила она сразу после того, как поздоровалась.

– Да ты что? – Тут же вспомнился забытый поцелуй, и стало немного стыдно. – Когда?

– Неделю назад она очнулась и очень всех напугала! Думали, потеряем. Но реанимировали, перевели в интенсивную терапию. Окончательно пациентка пришла в себя вчера вечером! В восемнадцать ноль-ноль. Символично, правда?

– Не понял?

– Сегодня девятнадцатое.

– А, вот ты о чем. – Левон вручил старшóй (так ее называли, а еще Розалиндой, но это уже ухаживающий за ней электрик) презентик из Армении. – Как она?

– Нормально. Уже в своей палате. Ольга соображает, двигается, как может после шестнадцати лет лежания, шепотом говорит, ест.

– Даже так?

– Через трубочку, но сама. Удивительная пациентка. У нас некоторые после двухчасового наркоза себя хуже чувствуют, а потом еще сутки валяются и ноют, а эта встать пыталась.

– Психолог с ней беседовал?

– Сразу вызвали. Он и вечером был, и на ночь остался. Сейчас спит у себя, домой не идет, вас дожидается.

– Тогда я к нему после обхода…

– Иван Дмитриевич, – так звали психолога, – не велел к пациентке никого водить. Разрешил только мне, она меня уже знает, и вам.

– Буду иметь в виду.

Он направился к себе в кабинет, чтобы переодеться, но Роза окликнула его:

– Она ничего не помнит, Левон Гамлетович. И пока не знает, какой сейчас год.

Кивнув, он двинулся дальше. До обхода оставалось пять минут.

* * *

Она полулежала на кровати и смотрела в окно. Жалюзи на нем были раздвинуты, и Ольга видела серое небо, голые ветки вековых осин, птиц, взмывающих с них ввысь, и моросящий дождь.

– Можно попросить закрыть окно, – прошелестела она. – Пейзаж навевает тоску.

Роза выполнила просьбу. А чтобы в палате не было мрачно, включила свет. Она еще и телевизор хотела врубить, но Иван Дмитриевич качнул головой.

– Роза, иди, занимайся делами, мы тебя позовем, если что, – сказал ей Лев.

Старша́я с неохотой подчинилась. Ей хотелось присутствовать при разговоре докторов с пациенткой, но она не нашла предлога, чтобы остаться.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Левон участливо. Пока он стоял, но намеревался опуститься на стул, в данный момент занятый дополнительной подушкой.

Пациентка впервые на него посмотрела, до этого лежала, отвернувшись.

Бодрствующая, она выглядела иначе. Из-за глаз, понял Лев. Они оказались серыми, как небо за окном. На смуглом лице они не только выделялись, но по-особенному играли. Как драгоценные камни, выложенные на контрастную поверхность.

Когда ее глаза встретились с Левиными, пациентка вздрогнула. Он испугался, подумал, что у Ольги судорога, но нет. Она повела себя так, будто увидела кого-то знакомого.

– Вы меня узнали? – спросил Левон.

– А должна?

– Я проводил первичный осмотр, когда вас привезли к нам на «Скорой».

– Вы грузин? – задала очень странный вопрос она.

– Армянин. Меня зовут Левон Гамлетович, и я все еще ваш лечащий врач.

– Вы мне кого-то напомнили, – задумчиво проговорила Ольга, и глаза ее затуманились. – Но не врача. И этот кто-то был грузином, – сказав это, женщина запела. Несмотря на то что голос ее не восстановился, слушать ее было приятно. Хороший слух у Ольги, и песня хорошая, грузинская колыбельная. – Он пел мне ее когда-то…

Левон бросил взгляд на свое отражение в экране телевизора. Кавказская женщина никогда бы не перепутала грузина с армянином, но русской простительно. Его некоторые принимали за турка, другие за грека. Мама же говорила, что у Левы международная внешность. Он был высок, худощав, длинноног и темноволос. Волосатость у него была средняя, так что ни ковра на груди, ни монобровии. Чисто выбритый Левон мог сойти и за русского, но с примесью кавказской крови. Сейчас же он был с щетиной.

– А что вы еще вспомнили, Оленька? – обратился к пациентке Иван Дмитриевич. Была у него привычка добавлять уменьшительно-ласкательные суффиксы к именам. Да и не только к ним! Таблеточки, капельки и порошочки прописывал он пациентам. А они не дошколятами были, а взрослыми людьми!

– Небо, – ответила Ольга. – Серое, как сегодня. Смотришь на такое, и жить не хочется.

– Вам не хочется жить? – насторожился он.

– Неправильно я выразилась. Тоска у меня ассоциируется с таким пейзажем за окном. Безысходность. А раз я попросила закрыть жалюзи, значит, жить я хочу. Верно?

– В вас жажда жизни неуемна, – воодушевился Иван Дмитриевич. – Вы очнулись спустя много лет, потому что…

– Сколько лет я лежала? – прервала его пациентка.

– А вы как думаете?

Она стала озираться по сторонам, осматриваться, как в первый раз. Пожалуй, так и было. До этого… Ей было не до этого!

– Лет пять, не меньше, – подвела итог своих наблюдений Ольга.

– Откуда такие выводы?

– Мне все в этой палате привычно. В вас тоже. Вы в классических туфлях, брюках, белом халате. Но мой лечащий врач в костюме, как доктор Рос из американского сериала «Скорая помощь». Обувь у него необычная, – а это были всего лишь кроксы. – Но главное – часы. Они какие-то супер-пупер крутые. – На руке Левона был фитнес-браслет. – Но врачи не так много зарабатывают, чтобы позволять себе шиковать. Вывод: такие часы не редкость сейчас. И раз так, прогресс сильно шагнул вперед.

– Какая вы умница, Оленька, – похвалил ее психолог. Левон с ним мысленно согласился. Только из комы вышла, а уже логические цепочки строит. – Но вы все же дольше, скажем так, отсутствовали.

– Можно конкретнее?

– Я отвечу на все ваши вопросы сразу после МРТ…

– Значит, больше. Поэтому мне и зеркала не дают. Я старуха, да? – И спросила она это у Левона. – Руки у меня страшные. Все в венах. Кожа дряблая…

– Это пройдет, – успокоил ее он. – Как и отеки. Они ведь беспокоят вас?

– Меньше всего.

– А что больше?

– Я хочу быстрее пойти. Но ноги не слушаются. Я ими еле двигаю.

– С вами будет заниматься физиотерапевт, и вы не только пойдете – побежите. – Левон поднялся со стула, чтобы пересесть на кровать. – Мне нужно осмотреть вас, Ольга. Опуститесь пониже.

– Потом вы мне дадите зеркало?

– Я бы посоветовал пару дней подождать, – вклинился психолог. – Когда сойдет одутловатость, цвет лица более или менее нормализуется.

– А я не вас спрашиваю, – сказала ему Ольга. Несмотря на то что голос ее был тих, прозвучало это грубо. – И я бы хотела отказаться от психолога.

– Почему? – поинтересовался Левон, начав осмотр с элементарного: проверки реакции зрачков на свет.

– Мне он не нужен. Всегда сама решала проблемы, справлюсь и сейчас. И не спрашивайте, откуда я это знаю, не от-

вечу.

– Иван Дмитриевич хороший специалист, он нам нужен. Просто вы от него устали. – Лев взглядом попросил психолога удалиться. – Вы помните, как выглядели раньше?

– Нет.

– Значит, зеркало вам нужно, чтобы познакомиться с собой?

– Сколько мне было, когда я поступила?

– Двадцать восемь.

– Я так и думала. – Она по просьбе Левона задрала рубашку. Он отметил, что у нее силиконовая грудь. Когда Ольга только поступила, это не бросилось в глаза. Сейчас, когда тело потеряло форму, это стало заметно. – Когда увидела Розу, назвала ее про себя «женщиной в возрасте». А ей ведь лет пятьдесят?

– Сорок шесть.

– А мне?

– Вам меньше.

– Вам тоже?

– Я посерединке между вами, – улыбнулся Левон. – Кроме имени своего, что еще пом-ните?

– Имя я не помнила, узнала от медперсонала. – Она указала на телевизор. – Я знаю, что это, как работает. Могу вспомнить фильмы и передачи, которые смотрела.

– Сериал «Скорая помощь», например?

– Еще «Дом-2». Он давно закончился?

– Все еще идет.

– А «Битва экстрасенсов»?

– Тоже.

– Я точно несколько лет в коме пролежала? – засмеялась Оля, но тут же закашлялась. Левон дал ей попить и стал укладывать пациентку, поняв, что утомил ее. Но та возражала, она хотела закончить свою мысль: – Я к чему про телевизор начала? Смотрю на него и вспоминаю передачи. Может, когда гляну на себя в зеркало, произойдет то же? Пока я о себе вообще ничего не могу рассказать. Где живу, с кем. Что произошло со мной… Кстати, что со мной произошло? Как я попала сюда?

– Вас нашли на улице с проломленной головой.

Ольга тут же поднесла руку к тому месту, где была рана. Нащупала шрам.

– Его практически не видно, – успокоил ее Левон. – Под волосами скрыт.

– Они у меня густые?

– Шикарные.

– Как солома. Трогаю, и неприятно. – Она сморщила вздернутый носик. – Больше ран на теле нет? Я вижу себя только спереди.

– Было сломано ребро, но оно благополучно срослось. – Левон нажал на кнопку вызова сестры. – Скорее всего, на вас напали с целью ограбления. Но злоумышленников спугнули: сумки при вас не было, очевидно, ее вырвали, но за-

брать украшения и сотовый телефон из кармана не успели.

Прибежала Роза. Так быстро, будто на низком старте все это время находилась.

– Поставь эти уколы, пожалуйста, – сказал ей Левон и передал рецепт. – Пациентке нужен отдых.

– Не нужен, – запротестовала та. – Я столько времени потеряла! Дайте мне посмотреть «Дом-2» или «Экстрасенсов». А еще зеркало, вы обещали.

– Если хотите быстрее встать, нужно сейчас больше отдыхать. И слушать своего врача. Не перетруждайтесь, вам это не на пользу. И память не бередите, рано. Вам нужно окрепнуть, а уж потом подвергать себя стрессу от просмотра реалити-шоу.

Левон встал, расправил постель на месте, где сидел. Отметил, что белье приятное на ощупь. В вип-палатах оно особенное, а Ольга содержалась именно в такой. Все шестнадцать лет!

– Зеркало Роза вам принесет, но к вечеру. Сейчас вам обязательно нужно поспать.

– У меня еще есть небольшая просьба.

– Слушаю?

– Если не телевизор, то хотя бы приемник. Хочу слушать музыку. И уберите эту мрачную картину, – она указала на пейзаж, висящий на стене. На нем горы на закате. – Мне бы цветочки или ягодки. Натюрморт, в общем.

– Будут вам цветочки с ягодками, – улыбнулся Левон, а

затем снял со стены картину и, сунув ее под мышку, направился к двери.

Прежде чем покинуть палату, он обернулся к Ольге и сказал:

– Хочу сообщить вам, какое прозвище вы получили, лежа у нас. Думаю, оно вас немного успокоит. Для всех в больнице вы Спящая красавица.

Он подмигнул ей и вышел.

Глава 2

Плакать не хотелось, но Оля не могла сдержаться.

Лицо женщины в зеркале сморщилось, а из уголков глаз побежали слезы. Старуха с седыми висками и дряблой шеей обливалась ими, становясь еще уродливее.

– Они издеваются? – всхлипывала Оля. – Насмешничают, называя меня красавицей?

Зеркало полетело на пол, но не разбилось. Оля схватила полотенце и стала утирать лицо.

В палату заглянула медсестра. Не Роза, другая, эту Оля еще не видела.

– У вас что-то упало? – обеспокоенно спросила она.

– Зеркало.

Девушка бросилась поднимать его.

– Меня Светой зовут, – представилась она и протянула Оле зеркало. Та его не приняла, отмахнулась. – Вам что-нибудь нужно?

– Я вызову, если что. Спасибо.

Медсестра кивнула и покинула палату.

Оля приподнялась, сорвала с себя одеяло. Ноги, как бревна, но это отек, он пройдет. Голени волосатые, ногти желтые, толстые. Все это поправимо. Педикюр и шугаринг она сделает в первую очередь!

– Педикюр и шугаринг, – повторила мудреные слова Оля.

Они возникли в голове из ниоткуда и были ей понятны.

Не став заострять на этом внимание, она прошлась по телу выше. Живот «жидкий» из-под памперса вылезает. Кожа в сыпи. Грудь… А вот грудь хороша! Оля потрогала ее и поняла – ненастоящая. Значит, у нее были деньги на силикон! И на хорошего стоматолога: она пробежала языком по зубам и не нашла ни одной дырки.

– В двадцать восемь я была соской, – сделала вывод Оля. – С сисечками, голливудской улыбкой, полными губами. Причем натуральными.

Только они ей понравились. Еще скулы, они даже на одутловатом лице выделялись. Все же остальное…

– Просто кошмар! – выдохнула она и упала обратно на подушку.

Если она младше Левона, который, в свою очередь, младше Розы, то ей…

Сорок? И тогда она двенадцать лет провалялась тут? Оля не хотела в это верить и решила, что ей меньше. Седые волосы не показатель. Она брюнетка, такие обычно рано седеют. Взять того же доктора Роса из «Скорой помощи» в исполнении Джоржа Клуни. Ему тридцать пять, а вся голова посеребрена. Вспомнив врача из сериала, Оля отметила, что из-за него «Скорую помощь» и смотрела. Еще ей очень нравились передачи о преображениях, где запущенных дурнушек превращали в стильных красоток. Если такие все еще снимают, она не прочь поучаствовать. Или визажисты ей не

помогут, а нужен уже хирург? Кожу на шее и животе подтянуть, шрам убрать лазером, чтобы под волосами не прятать. Хорошо, что морщин у нее нет. Хотя откуда им взяться? Лицо отдыхало от мимики годами.

Снова открылась дверь. Теперь на пороге возник Левон Гамлетович. При виде него она опять вздрогнула, но уже не так сильно. Кого же он ей напоминает? Фигурой, глазами?

– Смотрите, что я вам принес, – радостно проговорил он. – Цветы, – одна рука показалась из-за спины, а в ней горшочек с фиалкой. – Фрукты, – в другой было три мандарина. – Их вам есть нельзя, они для настроения. Картину пока не раздобыл, ищу.

Он подошел к прикроватной тумбочке и украсил ее цветами и фруктами.

– Сразу стало радостнее, спасибо, – поблагодарила его Оля.

– Результаты ваших анализов готовы.

– Уже? – Кровь и мочу у нее взяли ранним утром. – И что говорят мои анализы?

– Что вы совсем скоро восстановитесь. Подробнее о результатах завтра поговорим во время обхода. Предупреждаю, я приду с группой коллег. Ваш случай не уникален, но редок, так что вы у нас особый пациент.

– Поэтому я лежу в вип-палате бесплатно?

– Нет, ваше содержание оплачивается.

– Мной? Точнее, моей страховой компанией? Я ведь бо-

гата?

– Этого я не знаю. Но при вас, повторяю, не было даже паспорта, не говоря уже о страховом полисе. Содержание оплачивает аноним.

– Как так?

– Кто-то перечисляет деньги на счет больницы каждый год. Всегда нужную сумму. То есть когда увеличивается стоимость проживания, растет и она.

– И вы не знаете, кто это?

– Мы не выясняли. Зачем? Анонимные спонсоры не редкость. Когда вы только поступили, деньги были переданы в конверте тогдашнему заведующему отделением. Кем, я не в курсе.

– Родственником, наверное?

– Не обязательно. У меня был пациент, которого сбила машина. Водителя не нашли, но, когда парню потребовалась дорогостоящая операция, деньги были зачислены на счет. Это явно сделал виновник аварии, но анонимно, чтобы себя не рассекретить и не попасть под следствие.

– То есть меня может содержать тот…

– Не будем гадать, Ольга! – не дал ей договорить Левон. – Опять вы не о том думаете. Вы грузитесь, а нужно расслабиться. Если будете продолжать в том же духе, я отдам вас на растерзание Ивану Дмитриевичу.

– Последний вопрос. Нет, два! Меня кто-то навещал? Родственники, друзья?

– Давно. Две женщины по отдельности, молодая и солидная. Имен не помню. Первая была записана у вас в телефоне как «Сестренка». Родственница, скорее всего. Мы ей позвонили, она приехала и опознала вас. Потом привезла документы, и все, пожалуй. Больше я ее не видел.

– А в возрасте?

– Та несколько раз приезжала. Но не сидела в палате, смотрела на вас пару минут и уходила. Она как будто не верила, что вы в коме. Будто проверяла, не притворились ли.

– Мать?

– Сходства между вами я не уловил. Но по возрасту в матери она годилась. Дама под шестьдесят.

Диалог пришлось прервать из-за того, что Левону позвонили. Он достал из кармана телефон и бросил: «Слушаю». Пока доктор разговаривал, Оля смотрела на аппарат. Большой, но плоский, утыканный камерами, он выглядел диковинно. У нее точно был не такой. Но он тоже снимал. Правда, фотографии получались совсем плохонькими.

– Я побежал, – сказал Левон Ольге и направился к выходу. – Меня ждет куча дел, накопившихся за время отпуска.

– Подождите! Вы ответили только на один вопрос.

– Разве?

– Сколько лет я пробыла в коме?

Он замялся.

– Хватит меня подготавливать к моменту! – рассердилась Оля. – Вы только хуже делаете. Скажите уже правду. Не пе-

реживайте, я не тронусь умом. Я видела себя в зеркале и примерно представляю, сколько мне сейчас…

– Вы провели в коме шестнадцать лет.

Она зажмурилась. Так вот что имел в виду Левон Гамлетович, говоря, что он посредине между ней и Розой. Ему сорок пять, а ей… Господи помилуй!

– Вам плохо? – испугался он. – Какой же я дурак, не послушал Ивана Дмитриевича…

– Я в порядке, – заверила Левона Оля. Она открыла глаза и ободряюще ему улыбнулась. – И, кстати, для своего возраста я нормально выгляжу.

– Неправильно. Вы выглядите потрясающе. Просто сейчас не в форме.

– Оказывается, чтобы сохранить молодость, не нужны кремы и ботокс. Только безмятежный сон.

Ольга шутила, но для того, чтобы успокоить не столько доктора, сколько себя. Шестнадцать лет, а это треть жизни, спущены в унитаз. Их не вернешь и не наверстаешь. Но Оля все же очнулась, и это главное. Она не инвалид и еще не старуха, черт возьми! Всего лишь без пяти минут баба-ягодка.

– Вас сейчас отвезут к физиотерапевту на осмотр, – сказал Левон. – Вижу, вам не терпится начать жить.

С этими словами он вышел из палаты, а Оля взяла в руки мандарин и поднесла его к носу. Пахнет Новым годом. Она разломила фрукт, отделила дольку и положила в рот. Помнила, что есть нельзя, но хотя бы сок высосать.

Когда цитрусовая сладость наполнила рот, Оля довольно причмокнула. Она нашла первую радость в своей новой жизни. Или старую? Ей подумалось, что мандарины ее любимые фрукты. И они создают лучшее настроение, когда лежат на имитирующей снег вате под новогодней елкой…

Глава 3

Она стояла в душе, крепко держась за поручни. Ноги дрожали, но Оля чувствовала себя более или менее уверенно. Ей не разрешали самостоятельно мыться, но она решила ослушаться.

Выдержала она всего пару минут, но все равно осталась собой довольна. Если заниматься не только с физиотерапевтом, а еще самостоятельно, она сможет покинуть больницу раньше определенного консилиумом срока. Месяц реабилитации, именно столько «впаяли» Ольге.

– Почему вы так расстраиваетесь? – спрашивал у нее Левон Гамлетович. – У вас отличная палата со всеми удобствами, уход, скоро вас будут вкусно кормить…

– Это больница, и мне тошнит от нее! От ее запаха, казенной обстановки, распорядка.

– Но вам некуда идти. Вы не помните, где ваш дом.

– Вспомню, вы только мне помогите!

– Как?

– У вас мой паспорт, посмотрите там, где я прописана хотя бы, – она неожиданно для себя вспомнила такую деталь. Увидела книжечку с гербом, а в нем фотография и штампы.

– У нас только справка из ФМС города Коломна. Также копия полиса и ваше свидетельство о рождении, еще советское.

– То есть документы мои украли?

– По всей видимости. Я же сказал, вас нашли без сумки, ключей от дома, кошелька. Но вы не на пробежку вышли или с собакой погулять.

– Во что я была одета?

– Платье, туфли, плащ. В кармане был телефон. Вы звонили, чтобы вызвать такси, но не дождались его.

– Я могу взглянуть на вещи и телефон?

– Посоветуюсь с психологом на этот счет.

– Шагу без него ступить не можете, – разозлилась Оля. Она давно отметила, что не отличается покладистым характером.

– Старейший принцип врачебной этики – не навреди. Стараюсь придерживаться.

Одежду ей все же принесли, пусть и на следующий день. Это сделала медсестра по имени Инга. С ней у Ольги сложились приятельские отношения. Девушка была ее ровесницей, ей только исполнилось двадцать восемь. Именно на такой возраст пациентка себя ощущала, искренне забывая о том, что ей уже сорок четыре.

– Начинаем! – торжественно проговорила Инга, развязав пакет с вещами. – Лот номер один, лодочки черные на высоком каблуке, кожаные, тридцать седьмого размера. – Она поставила их перед Олей на тумбочку, переставив фиалку на подоконник.

– Вот это шпилька! Двенадцать сантиметров, не меньше.

Как в таких туфлях можно ходить?

– Это лабутены.

– Чего?

– Песню группы «Ленинград» не помнишь? – Она стала напевать, но резко прекратила. – Ой, она, наверное, вышла, когда ты спала. Короче, крутые туфли, дорогущие. Можно померить? У меня тоже тридцать седьмой.

– Да забирай их, я все равно носить не смогу.

– Нет, это слишком щедро. – Инга скинула с ног резиновые шлепки, затем носок и сунула их в лодочки. – Узковаты немного, но в целом… – Она встала и прошлась по палате. – Давай меняться? Ты мне лабутены, а я тебе кроссовки хорошие. Они новые почти, я их всего пару раз надела.

– Давай.

– Класс! – Девушка захлопала в ладоши. Она была очень эмоциональной. Когда приходила навестить Олю и включала турецкий сериал по телику, всегда плакала. – Лот номер два, плащ леопардовый, сорок четвертого размера. Этот мне точно мал.

– Все равно примерь, я посмотрю.

Инга накинула плащ на себя, он на ней не застегнулся. Значит, Оле тоже будет мал. Ей выдали спортивный костюм, не новый, но идеально отстиранный, со склада забытых вещей. Он был сорок восьмого размера.

– Тоже брендовый, – сообщила медсестричка, глянув на бирку. – Даже сейчас такой продать можно за хорошие день-

ги.

– А платье?

– Тем более. Это кутюр. – Она приложила простое на первый взгляд платье к себе. – Ты богато одевалась, Оля. Неудивительно, что тебя решили ограбить. Приперлась такая фифа в Бескудники.

– Куда?

– Район такой. Не самый благополучный даже сейчас, а уж шестнадцать лет назад и подавно… – Она бросила платье на кровать. – Там тебя нашли. Среди хрущевских пятиэтажек. Но ни в одной из них ты не жила – аборигенов опрашивали, никто не узнал тебя.

– Откуда ты все это знаешь?

– Подслушала разговор Левона Гамлетовича с Макаром.

– Кто таков?

– Друг твоего лечащего врача, он же бывший мент. Расследование по твоему делу вел, так с Сарикяном и познакомился.

– Дело так и не раскрыли?

– Повесили на кого-то из местной банды. Она как раз разбоем занималась. Но Макар считал, что несправедливо поступили, и уволился из органов. – Инга присела на кровать Оли и, понизив голос, сообщила: – Макар к тебе рвался, но Левон Гамлетович его не пустил. Сказал, что раз тот уже не мент, то нечего его пациентов беспокоить… Ой! – Девушка торопливо приложила руку ко рту. – Проболталась. А мне

ведь запретили с тобой обсуждать травматичное прошлое.

– Я никому не скажу, – заверила ее Оля. – Но я не понимаю, чего доктора со мной так носятся.

– Иван Дмитриевич серию научных статей про твой случай пишет. Так что все по плану должно идти.

– Фиг ему! – И она, сложив пальцы в дулю, потрясла ими перед носом Инги. – Я не собираюсь подопытным кроликом становиться. Я жить тороплюсь, а они тормозят!

– Они срыва боятся. Ты слишком быстро восстанавливаешься.

– Как быстро, если я ни черта не помню? Картинки всплывают, я пытаюсь зафиксировать их, но тщетно. Это как со снами, понимаешь? Пока видишь их, все четко, понятно, а просыпаешься, и каша в голове.

– Нет, я сны запоминаю.

– А я нет. По жизни нет, понимаешь? – Оля стукнула кулаком по постели. – Вот опять! Откуда я это знаю? Просто вдруг поняла, что никогда не запоминала снов. Кто-то говорит, тараканы – к болезни, какашки – к деньгам, покойники – к перемене погоды. А я не знаю, что в соннике смотреть.

– Память постепенно вернется. Может, частично. И в этом доктора тебе помогут. Не только Иван Дмитриевич, ждут светило из Петербурга, профессора Эдельмана. Он давно бы приехал, да находится в Финляндии в командировке.

– Как только встану на ноги, свалю отсюда! – прорычала Оля. Она уже могла говорить в полный голос, но хрипотца

еще оставалась.

– Если психоневрологическую экспертизу не пройдешь, не свалишь. Разве что под чью-то ответственность, но у тебя, похоже, нет близких родственников.

– А сестренка? Ее же найти можно.

– Пытались, когда ты очнулась. Но номера телефона, что она оставила, давно не существует.

– Да, кстати, где мой мобильный? В нем может быть и другая информация: фотографии, записи и… – Она пощелкала пальцами. – Электронная почта, во!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.